

ГРАЖДАНЕ ГОРОДА СОЛНЦА

(о Владимире Тендрякове)

1.

Обращаясь к своему читателю, Владимир Фёдорович Тендряков доверительно признавался: «Пытаюсь заставить Тебя восхищаться тем, чем сам восхищаюсь, негодовать на то, что у меня вызывает негодование, горевать или радоваться, как сам горюю и радуюсь».

Читая его рассказы, повести, романы и эссе, и я, признаюсь, искренне восхищался и негодовал, горевал и радовался. Критик Камил Икрамов справедливо отмечал: «Если люди будущего захотят узнать, как и чем мы жили в середине XX века, то без книг Тендрякова они этого не поймут». Тендряков и сам не скрывал, что «современность держит меня, не отпускает».

Прав был и Сергей Залыгин, когда написал: «Тендрякова нужно читать, и думать, и спрашивать у него и у самого себя: а это отчего? А это почему? А это так или не так? А это хорошо или плохо?»

Не потому ли у меня так часто возникало желание поспорить с писателем на волнующие меня темы, которые и в XXI веке не утратили своей остроты и приобрели новое звучание, не менее трагическое.

Потому я и взялся за перо.

И вот первый вопрос, так и оставшийся, к сожалению, без ответа даже у неистового Тендрякова, если не считать ответом лозунг рода человеческого: «Цель жизни, смысл её – познай непознанное!»

В его произведениях, как ни у кого другого, этот вопрос задают себе все его герои. И каждый пытается дать на него свой ответ:

«Исчезнет моё тело, забудется моё имя, но мои мечты, мои желания станут жить, изменяясь и совершенствуясь. В этом моя бессмертность, в этом смысл моей нынешней жизни, с её скромными победами и неудачами, с радостями и горестями, неизбежными

заблуждениями, – смысл жизни обычного сельского учителя» («**За бегущим днём**»). Свой ответ есть и у Дюшки Тягунова. Из разговора с другом Минькой:

– Скажи: для чего люди живут на свете?..

– Для чего?

– Ни для чего! – торжественно объявил Дюшка. – Просто так живут... («**Весенние перевёртыши**»).

А Паша Крохалёв в детстве на этот вопрос отвечал так: «Чтобы вырасти большим».

Так мечтать можно только в детстве, а у взрослых людей так не получается. Окончив институт, Павел уже иначе смотрел на свою земную жизнь:

«Откуда я? Зачем я?.. Извечные вопросы бытия, которые (мог ли я знать) мучают человечество с тех пор, как оно осознало себя...» («**Затмение**»).

Юрий Рыльников, ученый-физик, осознав бескрайность Вселенной, однажды тоже ужаснулся бессмысленности в ней самого себя: «Я во Вселенной! Я появился – свершившийся факт. А для чего? Моё «Я», как и «Я» миллиардов других, закончится жалким холмиком земли. И это так же неоспоримо, как и то, что и данный момент я существую. Жалкий, бессмысленный холмик земли. Для него живу, к нему иду, не промахнусь – там исчезну. Конечная цель – могила!» («**Апостольская командировка**»).

Этот же вопрос не даёт покоя и учителю Андрею Васильевичу Бирюкову:

«Дед этого юноши, тот, кто хлебал похлебку из деревянной миски, иступленно мечтал: *для себя* добыть кусок хлеба, *для себя* построить дом, *себя* обеспечить, *своих* близких. В этом была цель жизни, смысл жизни, хоть не великое, но определённое будущее. И вот его внуком эта цель достигнута. А дальше что? Оказывается, *для себя* не так уж много и нужно. Нет никакой цели, жизнь теряет смысл, исчезло будущее...» («**За бегущим днём**»).

Свинарке Насте Сыроегиной тоже стало страшно от неожиданного открытия: «Для чего живу? Для чего? Для того, чтоб ещё одно пальто заработать? Потом спрятать и не надёвывать! Ломлю спину с утра до вечера – для чего? Для кого? Для себя? Не-ет, для свиней! Вот она долечка!..» («**Подёнка – век короткий**»).

Такие же мысли доводят до отчаяния и художника Фёдора Матёрина, когда он столкнулся с тайной мироздания:

«Во имя чего он взял в руки кисть? Во имя какой цели, какой

пользы? Чего он обязан достигнуть? Нет ответа – бессмыслица на холсте, сух лоток, неподвижны жернова. Но раз так, то зачем жить? Слушать лекции, изводить краски, есть хлеб, который добыли из земли руки таких людей, как твой отец? Нет пользы – видимость! Зачем жить, к чему учиться?..» («Свидание с Нефертити»).

Александр Дубинин, мастер на сплавном участке, глядя на незнакомца, счастливо избежавшего смерти в бурной реке, и размышляя о человеческой судьбе:

«Встретишь такого на дороге – пройдёшь мимо, не оглянешься вслед. Есть ли у него родня, есть ли хоть на свете человек, который бы искренне, от души пожалел его? Не подвернись под руку бревно – был и исчез, не оставил ни имени, ни смутной по себе жалости, ничего» («Тройка, семёрка, туз»).

Потеряв сына, Феодосий Мургин, крестьянин-середняк, которого в деревне не любили за хозяйственность, задал себе вопрос:

«Для чего ему оно – хозяйство? Чтоб быть сытым? Нет. Миску щей и кусок хлеба он мог иметь и без большого хозяйства, а к разносолам Феодосий всегда относился равнодушно.

Для сыновей? Нет. Из-за этого хозяйства и отказались от него сыновья. Выходит, что ни для чего! Жизнь показалась впереди пустой, ложись и умирай – ничего другого не оставалось...» («Тугой узел»).

Из разговора автора-рассказчика с бывшим фронтовиком Иваном Тимофеевичем Голенковым:

– Гм, верно... Тут бог ни при чем. Но жизнь, дружочек, не камешек. Откуда она образовалась, почему так хитро плетётся – от мокрицы какой-нибудь к маящемуся человеку Голенкову Ивану?.. Откуда и зачем, Георгий? Твоя наука может сказать?..» («Покушение на миражи»).

Нет, наука бессильна перед тайной человеческой жизни. Так есть ли он в ней – этот непостижимый смысл?

2.

В интервью журналу «Наука и религия», членом редколлегии которого Тендряков был многие годы, он говорил: «Убеждённым атеистом я стал только в зрелые годы, когда смог отнестись к религии и религиозному сознанию серьёзно и ответственно» (1973, № 12).

В зрелые годы я так же «серьёзно и ответственно» обратился к Богу и решился взглянуть на человека, на себя и смысл своей жизни с христианской точки зрения.

С точки зрения писателя я – «заблудшая овца». Для него Христос

– всего лишь пророк и никакого воскресения не было. Христос – это миф, «мираж», великое заблуждение человечества. Верить в него –, значит попасть в духовное рабство. У Тендрякова другие идеалы. О них говорит своему бывшему ученику Саше учитель Аркадий Максимович, философствуя на высокие темы – о вселенной, о человеческом уме, о будущем.

«Бесконечность окружающего мира меня не гнетёт. Напротив! В этой бесконечности я вижу бесконечные возможности для применения человеческих сил. Да, да, друзья! В мироздании есть только один бог – человек!..» («Тугой узел»).

Если же человек сбивается с пути и отдаёт себя в Божью волю, то он тем самым лишается созидательных начал и становится бесполезным для общества человеком. Потому и все верующие в Бога люди в произведениях писателя нравственно убоги и морально чужды человеку будущего.

Икона, найденная Родькой на берегу реки и через него чудесно обретенная, стала знаменем для верующих сельчан, а для него, мальчишки, сущим наказанием. Родьке двенадцать лет. Половину жизни его учили, что Бога нет. И всё же он о Боге думал:

«Тыщи лет люди в Бога верили. Не все же тогда были дураки. В школе про Льва Толстого рассказывали: Бога искал. Раз искал, значит верил... Но почему теперь в Бога верят больше старухи да старики? Бабка верит, а Прасковья Петровна нет... Прасковья Петровна умней бабки. Ну, а Лев Толстой, он книжки писал, он и Прасковьи Петровны умней был. Непонятно всё...»

Это сегодня, когда верить «разрешено», Родькино любопытство поощрили бы, помогли развеять сомнения и встать на путь истинный. А тогда Родька оказался на острие мировоззренческого конфликта – жестокого и непримиримого.

Учительница Родьки – Прасковья Петровна, – глядя на отца Димитрия, думала: «Верит ли он в то, чем живет она, Прасковья Петровна? Как сегодняшней день уживается в его старой голове с заветами Христа, наивными легендами о воскресении, святом духе и райских куцах?...»

Атмосфера вокруг Родьки сгущалась. Рядом со сверстниками он выглядел белой вороной. А он хотел быть как все – без нательного креста, без веры, без иконы. Он боялся разоблачения, а оно, в конце концов, случилось.

«Как он её ненавидит! И бабуку ненавидит, и мать – вцепилась в икону, нет чтоб отдать Жеребихе, обрадовалась игрушке. А эта игрушка

всю жизнь ему поломала! Всю! Чужие люди жалеют, а ей наплевать! На доску променяла!.. За что такое несчастье? Что он сделал плохого? Не воровал, не бил стёкол в домах, не ругался худыми словами. За то, что нашёл под берегом икону? Будь она проклята! Эх, знать бы наперёд!..»

И довели-таки Родьку до того, что он разрубил икону, за что и пострадал от «осатаневшей» бабки, которая была его по голове доской, отколотой им от иконы... («**Чудотворная**»).

О «Чудотворной» Тендряков писал так: «Меня, прежде всего, волновали проблемы ценностные, нравственные, так сказать, критерии души. И я как писатель старался показать, что религию никогда не интересовало и не интересует, в какие условия поставлена человеческая личность, что её конкретно радует, волнует, тревожит».

Для православной религии главное – душа человека, её состояние. От того, есть в ней Бог или нет, во многом зависит его самочувствие в любых жизненных условиях и обстоятельствах.

Юрий Андреевич Рыльников, физик-теоретик, устроенный в жизни человек («**Апостольская командировка**»), попытался найти смысл жизни в иной сфере, для советского человека запрещённой. Ему пришлось отказаться от прежней жизни – уйти из дома, оставить семью, сменить работу.

Он обратился к Богу.

Для самого Тендрякова и для критиков-атеистов «богостроительство» Рыльникова явилось «формой бегства от самого себя в освящённую тысячелетиями иллюзию духовности», и в бегстве этом было больше неудовлетворённости собой, чем веры в бога» (**Феликс Кузнецов «Новый мир», 1975, № 2**).

В примечаниях к повести жена писателя Л.Асмолова-Тендрякова отмечает, что автор не изменил материалистическому мировоззрению. Об этом после выхода повести писали и критики:

«Ни знания, ни способности, ни интеллект, ни культура не дают гарантий от идейных заблуждений, если не сформировано мировоззрение» (**В.Марков «Лит. газета», 1969, 3 декабря**).

Рыльников – продукт атеистического воспитания. Ему не дали обрести полноценное христианское мировоззрение. Все верующие, с кем его сводит автор, оказались если не мракобесами, то людьми несчастными, забытыми, покорными, и в рабском смирении своём они представляли опасность для общества. На таких беспрекословных людях, как они, по мнению писателя-атеиста, и держатся все политические режимы.

«Опыт духовных исканий не был для Рыльникова бесплодным, – отмечает Павел Антокольский. – В этом основной итог серьезной творческой работы В. Тендрякова» («Дружба народов», 1971, № 1).

Скорее, этот опыт не стал бесплодным для самого писателя, не по его ли авторской воле Рыльников изначально и неизбежно должен был прийти к разочарованию?

Повесть вышла в 1969 году, а в октябре того же года Владимир Фёдорович отправил письмо в ЦК КПСС. Он убеждал партийных идеологов в том, что необходимо «подменить божеское человеческим, религиозную нравственность нравственностью, основанной на достижениях всечеловеческой культуры, несложное «возлюби ближнего» сложными понятиями гуманизма...»

«Единственная цель этих записок, – указывал он, – вскрыть опасность, которую несёт в себе так называемый «воинствующий атеизм», в том виде, в каком он тогда существовал.

Так что обретения веры Рыльниковым случиться не могло.

Два разных человека встали к барьеру – вчерашний Юрий Рыльников и сегодняшний. Двое противников поднялись на поединок во имя истины, стараясь друг друга сразить аргументами:

«Живи, чтобы жить! Прими это я, и мне уже ничто не будет мешать подличать, убивать, грабить других, лишь бы моя жизнь мне была приятна. Живи, чтобы жить, – вот моя цель, мой руководящий лозунг, моего соседа, дальнего знакомого, всех! И все вцепятся в глотку друг другу...»

Вчерашний Юрий Рыльников и Юрий Рыльников сегодняшний в постоянном поединке: «Я чувствовал, что верх одерживает моё новое «Я». «Тень дерева соответствует самому дереву». Божеское лицемерье прямо нельзя, а тень его уловить можно...»

У Юрия была уже первая в жизни молитва: «Первая в жизни молитва, первое слово к Богу, верное доказательство, что он, мой Бог, существует...»

Это была молитва, сокрушившая его сердце. Может, «сегодняшний Юрий Рыльников» и победил бы, но автор не позволил ему выиграть в поединке с Юрием вчерашним. И потому первая его молитва стала и последней...

А ведь для Юрия Рыльникова, как я понимаю, вопрос-то, в первую очередь, заключался в том, есть ли жизнь после смерти, и если она есть, если существует бессмертие, то и земная жизнь тогда наполняется для человека особым смыслом. Вера в неё – загробную жизнь, в наше будущее воскресение – помогает человеку осознать себя как творенье

Божие, способное обрести Царство Небесное, исповедуя заповеди Христовы и живя по ним.

Вместо этого закравшиеся сомнения:

«Верь во что бы то ни стало, будь балбесом, будь тупицей, тупость даже почётна, ей первые привилегии: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Неразумный таракан в этом царстве должен занять более почётное место, чем я...»

Неудивительно, что и безобидная баба Дуся, которая его приютила в Красноглинке, стала для Юрия Рыльникова («мне теперь, право, стыдно, что я играл в Христа») чуть ли образом исчадия ада: «А не должно ли каждого из нас настораживать, что в нашем мире безобидность и беззащитность почитается, как заслуга. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Не богатые духом, не сильные волей, а блаженны нищие... Они идеал для узурпатора. Покорные, безвольные, всепрощающие тетки Дуси, не способные обидеть и мухи, несут миру своим кротким существованием заразу насилия...»

Я уж не говорю, что Христовы слова истолкованы автором превратно. А эту нестыдную «нищету духа», обнажившуюся перед Творцом мира, неизбежно познаёт каждый из нас, кто однажды, прозрев, увидит себя со стороны и ужаснётся страшной повреждённости своей души и мира. Сколько мы знаем по жизни безграмотных старушек, которые были интеллигентнее и богаче духом многих высокообразованных умников. А сколько мы знаем людей, богатых духом и сильных умом, кто разными путями и в разные эпохи приходил к Богу.

Павел Флоренский, например, – русский православный священник и богослов, философ, учёный и поэт. Или Лука Войно-Ясенецкий, профессор медицины и духовный писатель, епископ Русской Православной церкви. Блэз Паскаль – французский математик и физик, литератор и философ. Алексей Лосев – философ, писатель и тайный монах.

Чтобы опровергнуть иллюзию, будто бы религия – это удел людей убогих, слабых умом, обиженных жизнью, далёких от научных знаний и душевных порывов, список этот можно продолжать до бесконечности. Верующими были Макс Планк, основатель квантовой физики, Нобелевский лауреат, Рене Декарт, основатель современной науки, математик и физик, физиолог и философ. В Бога верил даже Чарльз Дарвин, писавший о превращении обезьяны в человека.

Они, что тоже спасались от действительности в воображаемом мире? Нет, вера в Бога не мешала им творить, исследовать, открывать.

Наоборот, Божья благодать вдохновляла их на новые творческие подвиги и удваивала их силы – как физические, так и духовные.

Для писателя же важнее убедить себя и читателя в том, что «становится очевидной тщетность многовековых усилий со стороны религии, пытавшейся внушить человеку: поступай только так, а не иначе – не убий, не лжесвидетельствуй, не пожелай жены ближнего своего, – поступай нравственно, не считаясь с внешними обстоятельствами...»

Писатель на примере Юрия Рыльникова предупреждает, что «нравственное затмение может случиться с каждым. И мы должны быть бдительными к самим себе» (**Выступление в педагогическом институте им. В.И.Ленина, 1982**).

Завидную, но запоздавшую бдительность проявил бывший учитель, спасая своего внука:

«Вбивать ребенку сказки о боге, о райских куцах, о бесхитростном бессмертии души!.. Вбивать их сейчас тому, кто станет жить в те дни, когда начнутся полеты с планеты на планету, когда высоко мыслящему человеку будут помогать им созданные мыслящие машины. Когда, возможно, человек совершит, наконец, то, что извечно приписывалось лишь господу богу: из неживой природы сумеет создать уже не имитацию жизни, а саму жизнь!.. И в такой-то мир всечеловеческого могущества пустить эдакую ветхозаветную особь, поклоняющуюся отцу, сыну и духу святому, покорно считающую себя рабом божьим, страшущуюся божьей кары... Не значит ли это пустить в мир духовного уroda?! И этот урод – мой внук, сын Веры». (**«Шестьдесят свечей»**). Писателю нужно было привести к краху и Рыльникова и завершить поиски смысла жизни вполне светским и идеологически верным его прозрением:

«Девицы в косыночках, парни в синих фуражках! Вы считаете меня верующим?.. Да, я пытался им стать, а вот вам не нужно было и пытаться, вы едва ли не с рождения верующие на свой лад. А быть истово верующим можно не обязательно в Господа Бога, но и в заблуждение, рождённое мнимой очевидностью...»

Девушки в косыночках, парни в синих фуражках! Не зову вас к тому, чтоб любили вполсилы и вполсилы ненавидели. Нет! Любите и ненавидьте в полный накал, но только знайте, что любить и что ненавидеть, что и когда! В этом-то и заключается искусство жить. Пророки не обладают таким искусством – крайне предвзяты, не объективны...»

Такой вот окончательный вывод.

3.

Для Тендрякова учение Христа – это мираж. Он даже рассматривает его как социальную программу переустройства жизни, каковым оно никогда не было и на подобный статус не претендовало. Но писатель, неправомерно отождествляя учение и программу, убеждён, что «его, Христа, желание не реализуемо в жизненной практике, а потому это учение грозит остаться мечтой и просится в перечень «снов» (**Галина Зленько**). Из беседы Анатолия Гребина и повествователя:

«Начиная с Христа до сего дня, живёт убеждение: быть или не быть тебе нравственным человеком, целиком зависит от тебя самого, от твоей воли, от твоего желания. Поступай так, как требуют догматы веры, – и добро восторжествует над злом. Религиозных наставников не интересовало, в каких условиях находится человек...

– А ведь верно! – удивился Толя. – Павел уловил нешуточное: нравы зависят не от воли отдельных лиц – от того, в каких общественных устройствах эти лица находятся» (**«Покушение на миражи»**).

Все герои Владимира Тендрякова – советские люди. Они граждане нового общества, которое строится не в чистом поле, а на обжитой земле, населённой людьми разных званий и сословий, мировоззрений и жизненных укладов, возрастов и судеб. В них живы и так называемые пережитки прошлого, в них зарождаются и ростки нового, пока ещё смутно очерченного будущего, ради которого, собственно, и совершали революцию.

«Это есть, – писал Тендряков, – единственный исходный материал для построения нового мира. Другого нет, а потому необходимо с ним обращаться предельно бережно» (**статья «Социальное колесо будущего»**). Многовековой опыт переустройства мира и создания справедливого общества и нравственно совершенного человека – горький и выстраданный – нас, к сожалению, ничему не учит.

Неслучайно писатель возвращает нас к временам доминиканского монаха Томазо Кампанеллы, и мы вместе с ним становимся очевидцами крушения иллюзий в построенном по его заветам Городе Солнца:

«А твоего прихода мы ждали, Кампанелла. Ждали и боялись, – говорят Кампанелле. – Кто знает, что ты ещё натворишь, увидя нашу жизнь. Мы-то живём по твоему слову, старательно выполняем всё, что ты сказал, но теперь ты нам страшен, учитель...»

Писатель в своих произведениях даёт социальный срез Граждан нашего Города Солнца – страны, строящей коммунизм, страны, решившейся на ещё один эксперимент, который тоже на проверку

окажется очередной утопией. В каждом человеке живут мечты о справедливом обществе, но они при каждой попытке воплотить их в жизнь разбиваются о её жестокою реальность и о самого человека.

Книгу «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы Женька Тулупов привёз с войны, нашел её в полевой сумке погибшего лейтенанта. Он часто перечитывал книгу и «упивался» ею, «вникая в мудрость жителей счастливого города».

«Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т.д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, что они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д.

Община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому, что у них есть всё, бедными – потому, что у них нет никакой собственности, и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им...» «Ну разве не удивительные слова? – восклицает восторженный Женька. – Триста лет назад сказаны! До чего же туго входит в людей слово правды...»

Но когда он в составе бригады уполномоченных поколесил по северным деревням, добывая хлеб и фураж для фронта, увидел их обескровленных и голодных, но героических обитателей, то жизнь подвергла жесткой ревизии все её ценности – мнимые и реальные («Три мешка сорной пшеницы»).

Противостояние Тулупова, Кистерёва и Бахтьярова с одной стороны и Божеумова (фамилия-то какая) с другой – это конфликт времени и системы.

Для Тендрякова «решающим становится вопрос о «средствах», которыми достигается в конкретно-исторических условиях та или иная справедливая цель» (Евгений Сидоров). По мнению другого критика, «эта борьба за счастливое будущее, за истинный, подвластный людским возможностям, а не мифический «Город Солнца». Непримиима и яростна эта борьба, мучителен и не скор путь, которым идут в тот «город» будущие его граждане. Но идут, идут – и в каждом их шаге вера: дойдут!..» (Юрий Томашевский).

О «всемирной справедливости» мечтал и коммунист Фёдор Тенков – герой повести «Пара гнедых» (по сюжету – отец рассказчика):

«Не было в мире справедливости – она есть! И устанавливает её здесь в селе мой отец. Устанавливает не по своему желанию, его послала сюда партия».

Вот они – граждане Города Солнца. И верно, идут, идут они в него

– «и в каждом их шаге вера: дойдут!...»

Идёт в него и Ваня Акуля. Нет его беднее и несчастней, он и жил-то не в избе, а в бане. Его-то новая власть и переселила в дом Антона Коробова, лучший в селе пятистенки – под железной крышей, с полами крашеными, со светёлкой, в которой поставлена печь-голландка, облицованная белой плиткой.

Вот они Акулёнки: Ваня с легким пестерем на спине, «баба» его с квашнёй в обнимку, шествует «племя к новой жизни».

Глядит Фёдор Тенков, радуется, сына по головке поглаживает и поглядывает на деревенский люд с победной ухмылочкой:

«Именем бога тыщи лет словеса плели, а мы действуем... Вон!.. – Отец кивнул подбородком в сторону дороги. – Поглядите, как выступает. Хорош? Слов нет. А вон этого хорошего без лишних слов с плохим Ваней Акулём поравняли. Не речи о равенстве толкаем, а делом занимаемся...»

Ваня Акуля, завидев Фёдора Тенкова, не скрывает своего торжества:

«Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!.. – Кричит он. – Федор Васильичу как вождю нашему и руководителю докладую: Иван Семенихин, по прозвищу Акуля, задание партии выполняет. Да здравствует братство да равенство! Ур-ра-а!»

Теперь крепкому хозяину Коробову («Мне б волю дать, я бы... великую Россию досыта накормил») навязана роль бедняка и чуждого элемента, а из задавленного эксплуатацией бедняка Акули «народная» власть пытается выпестовать создателя новой жизни. А «гегемон», отпраздновав сказочное переселение и не успев толком расположиться в крепком коробовском доме, уже продал железо с крыши, да и загулял. Немного пройдёт времени, и пустит он по ветру всё добро, которое и досталось-то ему «не от трудов праведных».

И так было по всей России. Такова она – правда той, уже далёкой от нас, эпохи.

«Разбогатевшие» пролетарии и крестьянская «голь» и речи толкать быстро научились, и чутьё классовое обрели, доведя его до абсурда, и дел натворили, как дров наломали: церкви осквернили, священников разогнали и заточили в тюрьмы, крепких хозяев от земли отлучили и отправили на верную смерть.

Это всё вершила власть, вставшая на крови и страхе. Кому-то она была, как мать родная, а кому-то к ней надо было приспособливаться, чтобы не сгинуть в лагерях.

Из разговора Антона Коробова и Фёдора Тенкова:

«Нынче у меня дом отняли, завтра коней, а послезавтра... А вдруг да не остановитесь, Фёдор Васильевич?» – и получив подтверждение: «На полдороге не остановимся, не мечтай» – спасает свою свободу и жизнь ценой добровольного отказа от предмета ненависти большевистских активистов – нажитой им в трудах «частной собственности» («**Пара гнедых**»).

Антон Коробов добровольно отдал своих чудо-коней и остался жив, но, купив жизнь, он погубил душу: «Я воспринял этот рассказ как историю гибели той части крестьянства, которая должна была стать будущей опорой сельского хозяйства страны, опорой в грядущей войне» (**В.Гольданский**, академик, Лауреат Ленинской премии).

Страшно подумать, что «творилось внутри крестьянства в «сумасшедший час» перераспределения благ» (**Н.Иванова**). На глазах наших дедушек и бабушек часто происходило уродливое «превращение частного бедняка в агрессивного стяжателя».

Тендряков мучается вечным вопросом: «Присущи ли человеку нравственность и безнравственность изначально, или они являются следствием здоровья или болезни общества?» (**Л.Баргашевич**, «**Октябрь**», 1988, № 1). Возможно ли найти ответ на этот вопрос, если «высоколобые учёные всего мира роются и никак не дороеются до причин зла» («**Расплата**»). Тендряков видит, что «у нас часто формируются люди без человеческих устремлений, а раз нет человеческого, то животное прёт наружу вплоть до звериности, как у тех парней, что ножом женщину на автобусной остановке» («**Ночь после выпуска**»).

Автор предупреждает, что и «среди нравственно чистых людей может возникнуть ситуация, при которой большинство отступит, храбрый малодушно спасует, а хилый наглец будет диктовать свои условия» («**Тройка, семёрка, туз**»).

В век космических ракет на каждом шагу встречается дикое варварство. Однако писатель «злое начало в человеке не считает врождённым, биологическим свойством. Самый умный человек в поселке, учитель математики «Вася-в-кубе» говорит: «Нет от природы дурных людей, есть дурные воспитатели» («**Весенние перевёртыши**»). Но что делать, если школа «даёт ребятам знания, но не воспитывает чувства, не учит их любви и добру». В повести «Ночь после выпуска» Тендряков «решился на жёсткий эксперимент ради того, чтобы во весь голос сказать об опасности эгоизма, рационализации чувств у современных подростков» – у будущих граждан Города Солнца (**Евгений Сидоров**).

Писатель не находит ответа и на такой вечный вопрос: «Может ли человек понять человека, человек человека уважать и любить?»

Свою повесть «Люди и нелюди» Владимир Тендряков заканчивает так: «Благие призывы моралистов ко мне: совершенствуйся! Они давно доказали свое бессилие. Мы все воедино связаны друг с другом, жизненно зависим друг от друга, в одиночку не существуем, а потому самосовершенствование каждого лежит не внутри нас: моё – в тебе, твоё – во мне! Не отсюда ли должна начинаться мысль, меняющая наше бытие?..»

Новое мироустройство выработало свои непререкаемые бюрократические законы, живя по которым человек легко превращался либо в жертву системы, либо в нравственного калеку.

Для Павла Мансурова смысл жизни в партийной карьере, и ради неё он готов на всё, для него и жизнь человека не дороже павшей от бескормицы племенной коровы. Он довёл до самоубийства председателя колхоза Феодосия Мургина («Тугой узел»).

Порождением этой системы стал и Николай Егорович Княжев, директор МТС, тоже гражданин Города Солнца. Он не дал трактор, чтобы спасти человека, сославшись на то, что «не может распоряжаться государственным добром не по назначению». Не смог повлиять на Княжеву и председатель колхоза, потому что он ему не указчик – Княжев подчиняется району. Не взял на себя ответственность и участковый, поскольку нет распоряжения от начальника милиции, которое бы предписывало ему и «вменило в обязанность конфисковать наэнное количество времени трактор». И если бы лейтенант-отпускник не поднял на ноги всех эмтээсовских коммунистов, то трактор так и не выехал бы из гаража.

Итог всему этому подвёл хирург районной больницы. Он выехал навстречу трактору с умирающим человеком: «Бюрократ! – произнес он, помолчав, и повторил: – До убийцы выросший бюрократ!» («Ухабы»).

Через китежскую интеллигенцию («Чистые воды Китежа») Тендряков показывает, в кого превратились обитатели Города Солнца, живущие в атмосфере интриг, двурушничества, предательства, ловкачества. Здесь даже те, кто призван «формировать общественное мнение граждан, быть глашатаями правды, – писатели, журналисты, поэты – по уши погрязли в вязкой трясине лжи и корысти» (И.Зарахович). И дико знать, что живут в этом граде люди, уверенные в том, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров».

Трагическая история свинарки Насти Сыроегиной тоже оказалась

возможной в Городе Солнца. Председатель Артемий Богданович сделал её «знаменем колхоза». Не сразу, но поняла Настя природу своей славы: «не умом, а нутром уловила – люди хотят верить в нее, людям это нужно. И фальшивый камешек вставляют в оправу, когда нет под рукой настоящего».

Строительство нового свинарника заставило её, совершившую однажды подлог, всерьёз задуматься о себе: «Вся жизнь – обман, все счастье на обмане держится. Надолго ль такая жизнь? Надёжно ль такое счастье? От самой к себе уважения нет: не настоящая ты, Настя, фальшивый камушек в дорогой серёжке». И она, чтобы скрыть «мёртвые души» – страшные ступеньки её славы, решила на преступление – подожгла старый свинарник:

«Гори всё, её труд, её прошлые радости и беды, гори всё живое, поднятое её руками! Вопят там сейчас свиньи. Сама себе страшна, сама себе противна – одинокий выродок среди ночного поля. Вопят свиньи...

Хлопали двери, и над деревней разносился надрывно зовущий, плачущий голос:

– Спаси-те!!! Спаси-те!!!

Люди добрые, спасите Настю...» («Подёнка – век короткий»).

«Характер Артемия Богдановича и механизм растления – открытие Владимира Тендрякова» (А.Янов, «Вопросы литературы», 1966, № 8).

Так же шаг за шагом утрачивал высокие нравственные ориентиры и секретарь райкома партии Павел Мансуров, пока не перестал различать добро и зло. Такой же и Божеумов – маленький человек без души и сердца, «сволочь», по словам Кистерева. Божеумов не сам нужную линию выдумывает – безоговорочно следует указаниям сверху. Он проверял, «по струнке идёшь или на сторону тебя заносит».

За Город Солнца Матвей Студенкин «сидел в окопах, валялся в тифу, лил кровь, он не жалел себя, чтоб отвоевать новую жизнь. И отвоевал! А теперь не жалел отвоёванного».

Его сменил на посту председателя Евлампий Никитич Лыков: «Мужик из села Пожары, родившийся в нищей избе, учившийся в приходской школе всего три года, бывший подпасок, бродячий «растировщик» тёса...» Советская власть вывела его в люди и, облачённого властью, поставила над людьми, чтобы привести их в царство «молочных рек и кисельных берегов».

Но чем богаче становился колхоз «Власть труда», тем беднее духовно оказывались его люди...

Сергей Лыков, ученик Евлампия, никак не мог взять в толк, почему

под одним небом у одних колос, у других – бурьян. Для него это было открытием – почему?

«У нас же – Евлампий Никитич, – с ходу, не задумываясь, ответила Ксюша.

– У нас – Евлампий Никитич, у петраковцев такого Евлампия Никитича нет. Наверно, и все так отвечают – просто и ясно: Лыков спасает от нищеты. Лыков – человек особый, гений в своем роде.

Петраковцы лодыри... Но петраковцы когда-то жили не хуже пожарцев, – значит, умеют работать.

– Почему?

Сергей с ужасом понял – не знает ответа...»

«Лыковщина» есть резкое искажение самой идеи социалистического строительства. Богатея на несчастье других, цепко огородив свой колхоз удельной границей благополучия, Лыков разрушается нравственно и сеет вокруг себя моральное разложение. Он окружён прихлебателями, вроде своего заместителя Валерия Николаевича Чистых или личного шофёра и телохранителя Алексея Шаблова. Зло приносит он и своей семье: спиваются сыновья, сохнет от горя бессловесная Ольга, вынужденная терпеть бесстыдные любовные похождения своего стареющего мужа» (**Евгений Сидоров**).

Гроб скончавшегося председателя несли на своих плечах представители областного начальства.

«Евлампий Лыков умер, Евлампий Лыков жив. Жив в бабах, которые только что величали его «кормильцем», жив в Пашке Жорове, в бухгалтере Слегове теплится...

Лыков стал привычкой. От своих привычек люди легко и быстро не отказываются – только с болью, только с боем...» (**«Кончина»**).

Писатель, показывая в ранних повестях нравственное состояние общества, через двадцать лет напишет: «Не от личных качеств, не от воли дурных людей зависит нравственный уровень жизни – от сложившихся обстоятельств... Истоки нравственности не внутри, а «вне нас» (**«Сов. литература», 1983, № 11**).

Позже Тендряков поймёт, что главный конфликт эпохи не между «положительными» и «отрицательными» героями, а *между человеком и общественной системой, направленной на подавление личности...*» (**А.Бочаров**).

5.

В 1948 году Владимир Тендряков вступил в партию. Тогда она для него олицетворяла силы прогресса, и он как писатель-коммунист

хотел подставить ей плечо в преодолении послевоенных трудностей, в исправлении хозяйственных перекосов и нравственных вывихов.

У него обычная судьба советского человека (октябрёнок, пионер, комсомолец) – тоже, кстати, судьба гражданина Города Солнца. Он, как и все, стоял «за дело Ленина-Сталина».

Имя ему дали в честь Ленина – «в честь Бога-Спасителя, зовущего из царства мрака и насилия в царство Свободы и Справедливости». Отец его был подпаском и чернорабочим, красногвардейцем и комиссаром полка, членом большевистской партии с 1918 года. Считая религию «духовной сивухой», он «наотрез отказался крестить своего сына». Не без улыбки, но и не без гордости Владимир Тендряков вспоминает, как на него приходили посмотреть со всей округи – нет ли у некрещёного младенца «признаков хвоста» и «бесовских отличий». Потому, «...без преувеличения, я стал ленинцем со дня своего рождения, – писал он, – и мой младенческий зад с полным основанием можно внести в ленинский пропагандистский актив, а меня, обладателя столь знаменательного зада, позволительно называть ленинцем, самым юным, какого только можно представить...»

Тендрякову было десять лет, когда он увидел в скверике у вокзала, как прямо на утопанных дорожках, на корнях, на уцелевшей пыльной травке валялись те, кого уже не считали людьми. У вокзальных берёз умирали «короеды – с хрипом, пеной, сползанием по стволу вниз».

Умирали опухшие от голода люди, а на весь посёлок звучала песня:

«Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня...»

С одной стороны народ, живущий под знаком ложных ценностей и идеалов, которые идеологи партии преподносили им как ценности истинные – пролетарские. С другой – окрепший управленческий аппарат, сформировавший свою «корпоративную» систему ценностей и живущий по её неписанным законам.

Тендряков не забыл слова начальника станции, которому было поручено следить за порядком в сквере и вывозом трупов:

«Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?...»

Став взрослым, Владимир Тендряков не без удивления размышлял: «Почему я, в общем-то, впечатлительный, уязвимый мальчишка, не

заболел, не сошёл с ума сразу же после того, как впервые увидел куркуля, с пеной и хрипом умирающего у меня на глазах?»

Может, потому, что он, как и все люди, содрогаясь от страшной реальности, оправдывал её суровыми условиями классовой борьбы. Таков был стереотип мышления граждан Города Солнца.

Это сегодня, с высоты времени, мы называем 30-е годы эпохой «общественного безумия, крушения человеческого начала в человеке и обществе, разгула преступной морали на всех уровнях – от личного до государственного» (Галина Зленько). А тогда это было время, когда «страна вставала со славою навстречу дня».

Володя Тендряков не голодал. Его отец, «ответственный служащий, получал ответственный паёк». Но в пролетарской стране быть сытым стыдно. И только прикормив бездомную собаку, он смог чуть притушить «угрызения собственной совести и ощутить себя вполне человеком («Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть»):

«Гремела телега – знамение времени! Телега, спешившая собрать трупы врагов революционного отечества. Я слушал её и сознавал: я – дурной, неисправимый мальчишка, ничего не могу с собой поделать – жалею своих врагов!..»

Владимир Тендряков искренне признавался:

«Я воспитан в почтении к диктатуре пролетариата, с детства принимал её не задумываясь. Сейчас вот задумался, и всплывают сотни вопросов, простых и требовательных до недоумённой оторопи. Как это раньше они у меня не возникли? И даже не слышал, чтоб их задавали другие. Диктатура – пугающее слово для тех, кто мечтает о свободе.

Диктатура – ничем не ограниченная власть пролетариата, рабочего класса. Возможно ли, чтоб весь класс – миллионы людей – просто так, скопом, могли властвовать? Миллионы у власти?.. Каким образом?..»

Для писателя и гражданина Города Солнца эти и другие вопросы человеческого бытия в условиях «победившего социализма» стали главными. Он вглядывался в современников, размышлял о катаклизмах времени, улавливал тревожные тенденции в экономике страны и нравственной жизни общества.

Для Тендрякова важно было «преодолеть в жизни все скрепы и путы, мешавшие и мешающие ещё проявлению и развитию в людях подлинно социалистических, одухотворённых и высоконравственных начал. Начал гражданственности» (Феликс Кузнецов).

Он задавал себе непростые, а для того времени и опасные вопросы:

«Где, в каком месте случился идеологический поворот? Когда идеи свободы стали идеями насилия? Как это Сталин оказался вместо Ленина?»

Ему было тридцать три года, когда он в поисках ответа на них решил обратиться к Ленину – «объясни, Владимир Ильич, укажи».

Он раньше других задумался и захотел разобраться ни много ни мало в том, страшно произнести – а «нужен ли коммунизм? Возможен ли он? Не следует ли вообще зачеркнуть это понятие?»

И не только: он захотел разобраться «в сути того духовного багажа, приобретённого человечеством в прошлом и настоящем, который можно было бы сделать моральной основой для человеческой деятельности по созиданию будущего» (Галина Зленько).

Анализируя роман «Покушение на миражи», критик В.Сергеев отметил, что весь роман пронизывает одна мысль: «Надо ли отстаивать некоторые принципы и укоренившиеся в массовом сознании идеи? Надо ли стремиться к тем идеалам, которые веками не реализуются?»

Потому и герои его в разговорах нередко размышляют о коммунизме, о счастливом будущем:

– Коммунизм! – выкрикнул Гриша Постнов. – Он достижим! Пусть он скажет про коммунизм! Не увиливает!

– Хорошо, – согласился я. – Пусть коммунизм. Конкретная цель. Но как вы, материалисты, понимаете её? Стремись жить для будущей жизни, для потомков? И попробуй тут не впасть в сомнение: почему я должен жить для каких-то далёких по времени, мне незнакомых людей? Чтоб не мне, а им жилось лучше. Почему им, этим далёким, такая привилегия? Почему я кому-то должен служить удобрением? После таких мыслей я, скорей всего, приду к выводу: не лучше ли жить только для себя? Этого бы не было, если бы я руководствовался: любить того, кто рядом с тобой живет, такого, как ты сам, кто может ответить такой же любовью, согреть тебя.

– Он против коммунизма, Валентин Потапыч! Послушайте же – он против!

– Нет, за коммунизм! – ответил я. – Но не просто за материальный, а и за духовный.

– Через бога? – спросил Густерин.

– Жалкое заблуждение, что вера в бога – помеха коммунизму.

– А я не хочу жить в твоём божьем коммунизме! Не хочу! – не унимался Гриша.

– Ты хочешь жить в таком, где бы все работали поровну и получали поровну?

– Да, в таком, чтоб без бедных и богатых...» («Апостольская командировка»).

«Работать сообща, сообща делить между собой без лишних ухищрений – всем поровну?..

Но не получится ли тогда, что сильный и добросовестный работник будет кормить лодыря? Мускульный труд нелёгок, добросовестный, в конце концов, начнёт снижать усердие до бездельника. Тут уж и работающим, и неработающим одинаковая нищета. Распределять же по заслугам – больше усердному, меньше бездельнику... Значит, появятся привилегированные и парии, которые со временем должны превратиться в тех же господ и рабов...» («Покушение на миражи»).

После поездки в Китай Тендряков писал:

«Мы тогда были олицетворённой надеждой, наглядным будущим. Этим парням и девушкам настойчиво твердили, и они все с готовностью верили: впереди вас ждёт земной коммунистический рай! Русские отвоевали его раньше, они уже люди будущего, почти что райские жители» («Люди и нелюди»).

В 70-е – 80-е годы 20 века мы должны были жить при коммунизме, но о хрущёвском обещании уже мало кто вспоминал, а если и вспоминали, то с усмешкой. В жизнь вступали новые поколения людей. Их «приписывали» к новой исторической общности – «советский народ». Однако нравственная атмосфера в обществе, которое на глазах утрачивало декларированные идеалы равенства, братства и справедливости, становилась всё тягостней. Партия уже не воспринималась как «ум, честь и совесть» нашей эпохи. Она жила отдельной от народа жизнью, и только она при дефиците вещей и продуктов пользовалась «благами победившего социализма». В безбожном государстве на основе христианских заповедей был создан моральный кодекс строителя коммунизма, но он не мог «работать» в обществе, живущем двойными стандартами, погрязшем во лжи, коррупции и потребительстве.

Тендряков остро чувствовал разлад в жизни и в душах людей. Болевые вопросы не давали ему покоя. Он оставался с Лениным в комнате наедине и спрашивал:

«Кто сильнее Ленина, страстней его желал отдать власть в руки народа, в руки рабочих – по его мнению, лучшей, передовой части человечества. Никогда не хотел Ленин власти для себя, только народу, угнетённому, обиженному и униженному!

И кто, как не Ленин, сделал всё возможное и невозможное, чтобы

диктаторская, ничем не ограниченная власть попала к государственным чиновникам, к тем, кого Ленин называл «паразитом на теле общества», к тем, кто, по его мнению, были всегда орудием насилия и закабаления народа.

Он мечтал о равенстве, и он же похоронил его, украв у ненавистных капиталистов способ найма, отвергающий какое-либо равенство...» («Революция!...»).

Моё поколение в те годы только вступало в самостоятельную жизнь, и мы, ещё увлеченные романтикой комсомольскихстроек, спешили внести свой вклад в дело отцов, не подозревая о своей «роли заложников в руках власти». Мы ещё на собственном опыте не столкнулись «с жестокостью созревающей общественно-политической системы», и так остро, как писатель, вопросы на семинарах по научному коммунизму не ставили. Мы были убеждены, что именно социализм, и только он, может вернуть человека «к самому себе как человеку общественному, то есть человечному» (К.Маркс). Мы, жители Города Солнца, уверовали в то, что «социализм сутью своей устремлён к тому, чтобы каждый чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности» (Феликс Кузнецов).

А Владимир Тендряков, уединившись в комнате с вождём революции («Я и Ленин») спрашивал у него:

«Вы недовольны старой нравственностью, а потому сочли возможным сделать следующее заявление: «Нравственно то, что полезно для революции».

Не революция для нравственности, а совсем наоборот – нравственность тут служит и применяется к революции. Революция уже не средство достижения чего-то нового, она – сама по себе цель. Выходит, ценны сами по себе разруха, голод, кровопролития, горы трупов и прочее, что неизбежно сопровождает революционные взрывы. Что может быть страшнее такого чудовищного абсурда?»

А мы пели «Есть у революции начало, нет у революции конца...». Мы пели, одурманенные «запахом тайги», а писатель, всматриваясь в нас, размышлял: «Почему человечество, с незапамятных времён стремясь к основанию общества социальной справедливости, никогда не достигало этого идеала на практике?»

Он не отрицал социализм. Он искал пути его совершенствования. Он любил свою страну и хотел, чтобы жизнь в ней была достойна человека.

На полях рукописи статьи «Культура и доверие» (1970) он оставил

такую надпись: «Люблю наше Время, удивляюсь ему, страдаю за него, страдаю от него и жду, жду счастливых в нём перемен».

Но возможно ли было их дождаться в современном ему обществе? Он любил своё Время, но не принимал общественной атмосферы семидесятых годов.

Вспомним, как начинается сатирическая повесть «Чистые воды Китежа»: «Из непроглядных временных далей течёт поток рода людского, именуемый Историей».

Читаешь и невольно настраиваешь себя на «апокалипсический» лад, потому что граждане Города Солнца уже «гибельно опасны сами себе». Писатель убеждается, что социальные утопии, в том числе и социализм, губительны без опоры на трезвое знание, на опыт, выстраданный историческим человеком.

Для писателя герои сказаний из романа «Покушение на миражи» – это жертвенные подвижники, мечтающие о всеобщем счастье, об идеальном мироустройстве, люди большой нравственной силы.

Потому и обращение к Кампанелле неслучайно: «В опыте предшествующих поколений, в судьбах самых ярких личностей и героев – истоки прогнозов будущего. За кем шли, за кем пойдут люди?» (И.Зархович).

Убеждённый атеист снова обращается к идеям Христа и Павла. Христос проповедовал, что нравственное совершенствование человека зависит от тебя самого, от твоей воли и твоего желания. Но Тендрякову была ближе позиция Павла, который утверждал, что нравы зависят не от воли отдельных лиц, а от того, в каких общественных устройствах они находятся. Он убедился сам и показал нам, что «истоки нравственности лежат не *внутри* нас, а *вне* нас» («каково устройство, таковы и люди»).

Вот почему он с таким упорством и постоянством, с какой неуёмной творческой энергией и гражданской страстностью ищет варианты и модели оптимального общественного устройства, даже и в условиях сложившегося социалистического общества. Он убедился и в том, что «зачастую личный героизм и личная нравственность оказываются безрезультатны, ибо они не способны побороть *систему*, внутри которой пытается сопротивляться злу мужественная личность».

Он стал исповедовать *идеалы «вечной нравственности»*. Им руководило убеждение, что «нравственная ценность человека во все времена, во все эпохи, на всех землях была одна. Это умение жить с другими людьми». Это же был и критерий, которым он оценивал деятельность современников и современных ему социально-

политических устройств.

Он неустанно искал, он хотел нащупать «пути создания такой общественной системы, которая, будучи основанной на идеалах «вечной нравственности», не глушила бы, а развивала ростки человеческого в человеке, культивировала бы человечность, способствовала бы формированию нравственно здоровой личности и создавала условия для её свободного развития и процветания» (Галина Зленько).

Возможно ли такое предприятие в принципе, и если – да, то каковы способы создания такой системы?

История показала, что такой проект невозможен. Потому спустя семьдесят лет после революции и начала великого социального эксперимента Россия снова вернулась в капитализм. Социализм тоже оказался утопией, на которую народ решился по «недомыслию».

В статье «Личность и коммунизм» Тендряков писал: «Надеюсь, что со временем мир завоюют не штыки, не танки, не солдатская поступь, а идея о необходимости человеческой всеобщности. Произойдёт это завоевание – будет жизнь на планете, будут новые идеи, новые задачи, новые человеческие устремления. Не случится его – мир должен готовиться к самому худшему».

Владимир Тендряков ушел из жизни до судьбоносных перемен, а будь он жив, интересно было бы с ним пообщаться на тему исторического выбора и человеческого бытия.

Того ли он ожидал, за то ли так истово боролся его отец и он сам, о том ли мечтал в вологодской деревне Макаровская, когда ещё только начиналось строительство новой жизни и воспитание нового человека?

Вопрос остаётся открытым. Для меня, по крайней мере...

6.

Дочь вспоминает цикл его рассказов «папа – дочке», который Тендряков сочинял на протяжении девятнадцати лет. Так вот среди этих рассказов есть и научные «утопии». Им бы и хотел я завершить наш разговор с земляком о великих социальных утопиях человечества и о их всемирной притягательности:

«...Придёт время, и люди поймут, что Рай здесь, на Земле, всё производство будет вынесено в космос, на специальные орбитальные станции. Энергию Солнца научатся преобразовывать в электро-энергию, какие-то овощи-фрукты тоже легче будет выращивать прямо на орбитальных станциях, работать будут в космосе по сменам, а на

Земле жить, отдыхать, любоваться, Земля удивительно красивая...». Всё это рассказывалось, с ссылками на последние научные открытия, обосновывалась принципиальная техническая возможность, витальная экологическая необходимость...»

И для самой дочери, по её признанию, «места папиного детства стали приблизительно тем же, чем является для тибетцев Шамбала, для полинезийцев – Гавайка или Время Сновидений для аборигенов Австралии. Легендарной мифической прародиной, что-то вроде рая на земле, время Оно, откуда всё пошло...»